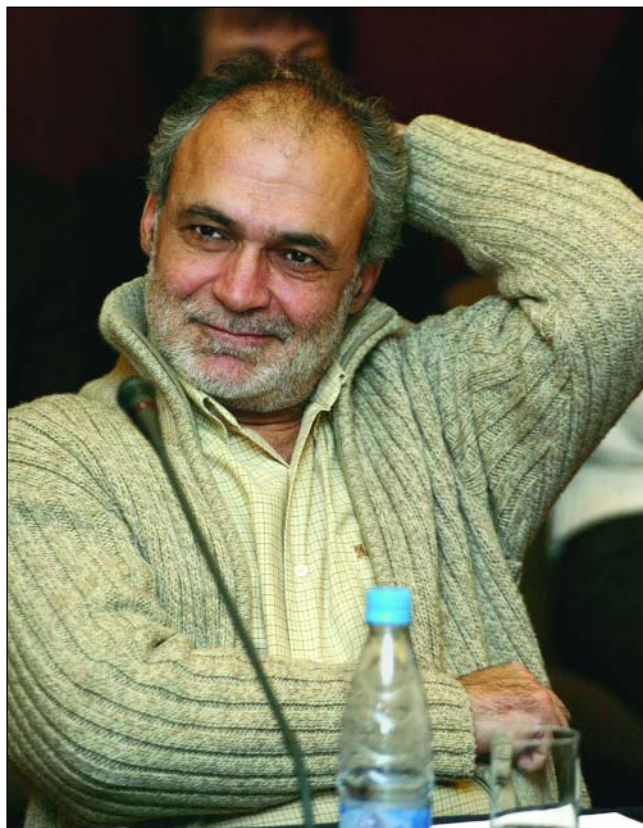

Россия возвращает себе инициативу

Мигранян Андраник Мовсесович

Родился 10 февраля 1949 года в г. Ереване (Армения). Окончил МГИМО(У) МИД РФ. С 1991 года – профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО. С 1976 по 1985 год – старший инженер, преподаватель, доцент Московского автомобильно-дорожного института. 1985–1988 гг. – старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений. 1988–1994 гг. – заведующий центром Института международных экономических и политических исследований. Параллельно с 1992 года – главный советник Комитета по международным делам Верховного Совета СССР. С 1993 по 1995 г. – главный эксперт Комитета по делам СНГ Государственной думы РФ. 1993–2000 гг. – член Президентского совета РФ. 1994–2004 гг. – советник, вице-президент Международного фонда экономических и социальных реформ (фонд «Реформа»). С 1996 г. по настоящее время – председатель научного совета Института стран СНГ. С 2004 года по настоящее время – первый вице-президент ЗАО «Согласие». Член Совета по внешней и оборонной политике. Имеет три благодарности от президента Российской Федерации.

– В сфере Ваших научных интересов заметное место занимают вопросы исследования социально-политических проблем и межгосударственных отношений СНГ. Какие наиболее острые проблемы СНГ Вы могли бы определить на современном этапе, и что, на Ваш взгляд, надо предпринять для их разрешения?

– На разных этапах перед странами СНГ стояли соответственно и разные задачи. Сначала была заявлена идея объединения и интеграции этих государств, которые после распада Советского Союза выбрали путь развития рыночных отношений в экономике. Собственно тогда было две концепции объединения. Российская концепция заключалась в том, чтобы интегрировать это пространство вокруг России. Вторая сводилась к тому, что СНГ – это цивилизованная форма бракоразводного процесса. К сожалению, из-за слабости в то время России и активного вмешательства Запада верх взяла вторая концепция. На данном этапе борьба за постсоветское пространство продолжается. Еще совсем недавно все мы были свидетелями отзвука этой борьбы в Грузии, на Украине, в Центральной Азии.

В этой борьбе в последние годы Россия терпела довольно серьезные поражения. Однако за последний год ситуация заметно меняется. Есть определенный перелом в тенденциях. В ряде стран прослеживается явное стремление к развитию отношений с Россией, к созданию единого экономического пространства. Целый ряд факторов, событий свидетельствует о том, что Россия возвращает себе инициативу, с учетом ее финансовых, административных и других ресурсов. В ближайшей перспективе вполне возможно ожидать усиление российского влияния в регионе.

– С 1993 года Вы являетесь членом Президентского совета. В этом же году Вы становитесь одним из основателей «Клуба-93». По прошествии почти пятнадцати лет что запомнилось Вам больше всего от деятельности этих организаций? В более широком смысле – как Вы оцениваете в целом эффективность работы органов, которые занимаются внешней политикой? Можно ли сегодня с уверенностью говорить о сложившихся у нас механизмах, системе принятия внешнеполитических решений?

– В 1993 году Б.Н. Ельцин часто встречался с нами, членами Президентского совета. Обсуждались самые острые, болезненные проблемы, это был период конфронтации президента с Верховным Советом. Я до сих пор считаю, что такие фигуры, как Руцкой и Хасбулатов, могли ввергнуть страну в хаос. Тогда были надежды, что удастся найти пути взаимодействия между ветвями власти на самом высоком уровне. К сожалению, так и не удалось найти эти пути. Сам Б.Н. Ельцин был в то время далек от проблем внешней политики, целиком занимаясь внутривластными вопросами, хотя с нашей стороны – членов Президентского совета по внешней политике – было сделано немало, чтобы правильно ориентировать президента. Вспоминая то время, могу отметить, что отношения у нас с президентом были странными: он, казалось, слушал нас, но поступал по своему, никогда не следовал, к сожалению, нашим рекомендациям: ни по вопросу Югославии, ни по вопросу расширения НАТО на Восток, ни по отношению к министру иностранных дел Козыреву. Поскольку сам президент был в основном занят внутренними проблемами, то фактически вся внешняя политика была отда-

на МИД и непосредственно Козыреву, который был не способен формулировать внешнеполитические цели, а главное – добиваться и отстаивать собственные национальные интересы. В прошлом, будучи чиновником среднего звена, А.Козырев занимался исполнительными функциями, собственно он никогда не занимался планированием и реализацией стратегических задач. Наша внешняя политика следовала в фарватере американской политики, вот почему в то время появились высказывания о том, что российский МИД превратился в отдел Государственного департамента США. В какой-то степени это было последовательно – наша внешняя политика была проамериканской и в отношении конфликтов, и в отношении стран бывшего советского пространства. В тот период у меня была идея создать некий внешнеполитический центр, который вырабатывал бы концептуальные направления для принятия внешнеполитических решений, но, к сожалению, мне так и не удалось собрать группу по внешней политике в рамках Президентского совета. До сих пор не знаю, кто эту идею и на каком этапе блокировал. В конечном итоге при поддержке помощников президента и других членов совета мне удалось создать внутри администрации группу по выработке внешнеполитической линии. Увы, в 1996 году все это было сведено к нулю. Кстати, определенная спонтанность выработки внешней политики сохраняется до сих пор. Ни в самой администрации, ни в Совете безопасности не сформированы механизмы принятия решений. По-прежнему, многое зависит от того, какое будет настроение президента по тому, или иному вопросу, из-за чего снижается роль МИД и дипломатии, которые так и не призывали брать на себя инициативу.

– Оценивая новые угрозы мировому сообществу, нельзя обойти проблему международного терроризма. Какие имеются новые возможности борьбы с этим злом, и в продолжение вопроса – не считаете ли Вы, что появление «общего» врага поможет сплотиться демократическому миру?

– Думаю, что этот «общий» враг, терроризм, несколько мистифицированный образ. Это скорее враг Вашингтона, который хотел бы пристегнуть к своей колеснице другие страны. У того же Вашингтона есть четкое разделение на «своих» террористов и «чужих», те же чеченские

боевики являются «борцами за свободу». Мне представляется, что после событий 11 сентября так называемая антитеррористическая коалиция является на самом деле психологическим и эмоциональным ответом, что сегодня уже не действует. Реально же под прикрытием борьбы с терроризмом американцы вошли в Азию вплоть до границ с Китаем. Вообще, я считаю, что само понятие «терроризм» требует большего уточнения.

– Как Вы можете прокомментировать современные тенденции развития «объединенной» Европы и что мешает России стать полноценным членом Европейского сообщества? Какие европейские страны все еще рассматривают нас в качестве «недостойного» партнера и почему? Что, на Ваш взгляд, следует ожидать в ближайшем будущем?

– Процесс объединения Европы, видимо, дошел до какого-то предела, когда он становится для большинства европейских стран скорее обузой, нежели решением своих проблем. Об этом свидетельствуют референдумы во Франции, Голландии. Если во времена так называемой «советской угрозы» была основа для объединительной идеи, то теперь ее просто нет. Процесс явно застопорился из-за внутренних проблем. Многие европейские страны заняты решением собственных насущных социально-экономических вопросов, таких как безработица, инфляция, ресурсная база. Даже в такой развитой стране, как Франция, наблюдаются острые конфликтные проблемы на

этнической основе. Не думаю, что России сейчас так уж важно войти в состав Евросоюза, гораздо важнее для нас иметь конкретные договоренности, соглашения по вопросам торговли, таможенного контроля и т.п. Скоро истекает срок действия Договора по СБСЕ, надо заключать новое соглашение. Я думаю, что России не следует форсировать переговоры по вступлению в Евросоюз. Каждый раз ставятся какие-то новые, придуманные условия. К тому же целый ряд европейских государств не считают Россию «европейской» страной по культурным, географическим, историческим, этническим и другим принципам. С другой стороны, во многих европейских странах, в той же Франции, уже сегодня этнические выходцы из Азии и Африки составляют значительную часть населения. И эта часть не имеет ничего общего с европейской культурой!

– В последнее время большое внимание мировой общественности привлекает тема российско-иранских отношений. Особенно это касается вопросов сотрудничества в области атомной энергетики. Вообще, на фоне сложных отношений России с южными соседями всякий положительный прорыв вызывает определенный оптимизм. Как Вы считаете, удастся ли нам продвинуть сотрудничество с Ираном без ущерба другим отношениям?

– У нас здесь позиция ясная и однозначная. Россия не желает, чтобы ее ограничивали в области сотрудничества в

МГИМО. А. Торкунов, С. Ястржембский, А. Миграян и другие участники конференции

высоких технологиях, в данном случае – ядерной энергетике. Нас часто обвиняют в том, что мы оказываем услуги в приобретении таких технологий. Наша позиция по Ирану достаточно ясно сформулирована: мы будем сотрудничать в сфере ядерных технологий, но не хотим, чтобы Иран был ядерной державой, хотя некоторые эксперты считают, что здесь трудно что-то сделать, чтобы предотвратить этот процесс, заблокировать эту возможность. Взять пример Пакистана, Индии... Россия не может запретить Ирану стать ядерной державой, как, впрочем, и никто другой. Американские аналитики считают, что можно, конечно, нанести удары по ядерным объектам Ирана, но ничто не мешает Ирану нанести ответный удар через различные структуры, которые могут осуществить террористические акции, вообще акции «устрашения». Именно поэтому американцы относятся

с большой осторожностью в оказании давления на Иран, то есть, это давление ограничено. Заявления иранского руководства свидетельствуют о том, что Иран готов вести самостоятельную линию в этих вопросах. Думаю, что Россия вряд ли согласится на какие-либо санкции против Ирана, поскольку мы имеем уже негативный опыт таких санкций. Мы за последние пятнадцать лет дважды голосовали в ООН за такие санкции, а потом несмотря на все желания России снять эти санкции, ничего не удалось сделать. Поэтому нам вряд ли надо дать «зеленый» свет американцам, чтобы потом самим не остаться в стороне. Россия уже делала себя «лишним» игроком по Ираку, по Югославии...

– Благодаря своему геополитическому положению Россия всегда пыталась выработать оптимальный внешнеполитический баланс в отношениях Восток – Запад, Север – Юг. Долгое время нас связывали если не братские, то дружественные отношения с Индией. Как, на Ваш взгляд, развиваются наши отношения с Индией, с Пакистаном, другими странами Южной Азии сегодня, какие имеются перспективы?

– Сейчас изменилась сама ситуация. Если раньше мы были ведущей державой в мире, давали ориентир «третьему миру» для развития, то сейчас сама Индия стала мощной экономической державой. При этом Россия продолжает военнотехническое сотрудничество с Индией. У нас сложились традиционно дружест-

С. Сорокина и А. Миграмян

венные отношения, но нет серьезной диверсификации этих отношений. Как, впрочем, и с Китаем... Мы понимаем, что вместе Индия и Китай в скором будущем составят 3 миллиарда человек населения, и с ними надо иметь нормальные отношения. На данном этапе для России непосредственной угрозы из этого региона нет, по крайней мере, на ближайшие двадцать лет. Китай занят своими проблемами, впрочем, как и Индия. Скорее всего эти страны играют сегодня роль естественных союзников России.

– В начале 90-х годов Вы читали лекции по экономике и политологии в Университете Сан-Диего (США), сегодня Вы преподаете в МГИМО(У). Чувствуете ли Вы различия в студенческой аудитории нашей и американской? В чем это проявляется. Что больше интересует нашу и американскую молодежь?

– Не только в Сан-Диего. Я читал лекции практически во всех ведущих американских университетах. Это был пик нашей «перестройки» – 1989–1990 годы. Тогда все внимание мировой общественности было приковано к тому, что происходит в Советском Союзе. Американские студенты и аспиранты показались мне очень умными, подготовленными и любознательными молодыми людьми. Будучи в Америке, я понял одно, и это было открытием: американская средняя школа достаточно слабая, где превалирует игровая форма образования, колледж – это уже более серьезная система обучения, а вот с уровня аспирантуры начинается

уже основательная подготовка. Это, кстати, приводит к тому, что во многих американских университетах количество аспирантов больше, чем студентов. Американцы превратили свои университеты в инкубаторы для производства высококлассных специалистов. Надо отдать должное, что они тратят большие средства на это, а человеческий материал приходит со всего мира: здесь и китайцы, и русские, и евреи ... Когда я преподавал в Сан-Диего для начальных курсов, отмечал, что общий кругозор студентов был слабым, но ориентация на работу уже прослеживалась с первого курса. И, конечно, другое дело, когда я работал с аспирантами, это уже специалисты, хорошо разбирающиеся в своем деле, эрудированные личности.

– Когда беседа идет с таким интересным и занятым человеком, невольно возникает вопрос о времени, как удается Вам везде успевать? Остается ли хоть что-нибудь на семью, расскажите о жене, дочери. Есть ли какое-либо увлечение, «хобби»?

– Собственно, особых увлечений и нет. Если говорить о путешествиях, то это рабочие поездки в разные страны. Жена у меня работает в ГИТИСе, преподает историю зарубежного театра, могу без преувеличения сказать, что она лучший специалист по американскому мюзиклу. Дочка окончила МГИМО, сейчас она там доцент на кафедре культурологии. Ну а главный человек в семье – внучка, если позволяют обстоятельства, всегда спешу к ней.

Беседавал Юрий ВАСИЛЬЕВ